

Международная частноправовая практика юридической фирмы “ММЦП и К⁰”

ОБ УСПЕШНОМ ЗАВЕРШЕНИИ СУДЕБНОГО ДЕЛА ОАО “МОРСКОЙ ПОРТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ”

Весной 1997 г. в международную юридическую фирму “ММЦП и К⁰” поступила просьба о ведении судебного дела в Федеральном арбитражном суде Северо-Западного округа. Спор между одним из крупных западных инвесторов и Санкт-Петербургским территориальным управлением Государственного комитета Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур (далее именуемым “Антимонопольный комитет”) подошел к стадии рассмотрения кассационной жалобы последнего на постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Ранее апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции, удовлетворившего иск Антимонопольного Комитета о недействительности некоторых положений учредительного договора акционерного общества, учрежденного в марте 1991 г. упомянутым крупным западным инвестором совместно с ОАО “Морской порт Санкт-Петербург”.

Обычное по своему содержанию и предмету регулирования соглашение о создании акционерного общества имело огромное значение для экономики Санкт-Петербурга и всего Северо-Западного региона России. Дело оказалось юридически интересным тем, что международный по составу участников спор решался на основе публичного права, применение которого имело для них гражданско-правовые последствия.

Контактные телефоны международной юридической фирмы “ММЦП и К⁰”
290—42—22; 290—27—57.

Адрес в INTERNET <http://mice.ym-com.net>

Обстоятельства дела

В 1990 г. одна из крупных швейцарских компаний “Inter Maritime Management S.A.” (далее именуемая “Иностраннный инвестор”) предложила свои услуги по рациональной модернизации мощностей ОАО “Морской порт Санкт-Петербург” (далее — “Порт”) — ключевого элемента инфраструктуры города и всего региона. Новые технологии перевалки грузов и обработки контейнеровозов и судов типа “ро-ро” позволили бы увеличить транспортные потоки и торговый оборот региона, дать стимул развитию смежных отраслей промышленности, увеличить привлекательность инвестиций и доходы местного бюджета. Не вполне благоприятная акватория Порта позволяла начать строительство только на одном определенном ее участке, имеющем подходящую высоту берега и прочие исходные параметры.

Перед началом проекта Иностраннный инвестор попробовал выговорить для себя определенные гарантии своего приобретения, а именно: права эксплуатировать новые мощности на определенных условиях и в стабильном режиме, чтобы это как можно скорее окупило сделанные им вложения и приносило доход. В юридическую схему проекта была заложена конструкция передачи прав на данную акваторию в уставный капитал созданного совместно акционерного общества (далее именуемого “Общество”), позволяющих, как это было закреплено в учредительных документах, “осуществлять строительство, производить реконструкцию и модернизацию порта”. Это устанавливало исключительность в обладании правом на получение будущего дохода от эксплуатации и создавало привилегию нахождения в списке постоянных партнеров Порта, независимо от того, насколько успешным было бы сотрудничество, строительство и введение в действие новых технологий.

Впоследствии, однако, оказалось, что Иностраннный инвестор вовсе не спешит делать вложения сверх тех, которые являлись формальной оплатой небольшого уставного капитала созданного Общества, и стремится не столько развивать проект, сколько продать свою долю участия по гораздо более высокой, чем собственные затраты, цене третьим лицам, потенциально способным проводить в последующем значительные капиталовложения.

Такое положение не устраивало ни Порт, ни других инвесторов, имевших большую заинтересованность в осуществлении модернизации инфраструктуры города. С момента подписания учредительного договора о создании Общества (далее именуемого “Договор”) прошло 6 лет, а никаких серьезных работ или улучшений той части акватории, которая была пригодна для новых технологий, не осуществлялось. Со временем выяснилось, что Иностраннный инвестор, предлагая, с одной стороны, к продаже свою долю в уставном капитале Общества, при этом, с другой стороны, стремился получить как можно большую прибыль и поэтому не спешил с такой продажей. Вместе с тем, ссылаясь на исключительные права Общества, он всячески препятствовал попыткам Порта и других инвесторов осуществлять модернизацию благоприятного участка морского порта, переданного Обществу. Действия Иностраннного инвестора крайне негативно влияли на экономическое развитие Порта, сдерживали транспортные потоки и создавали дефицит на рынке портовых услуг.

В деле защиты своих нарушенных прав Порт вынужден был считаться с главной юридической трудностью — подчинением всех споров из Договора международному третейскому суду в Великобритании, разбирательство в котором обещало быть длительным и дорогостоящим. Решение третейского суда следовало затем снабдить юридической силой через процедуру разрешения исполнения в суде общей юрисдикции Санкт-Петербурга. Вместе с тем третейская оговорка в Договоре обладала дерогационным эффектом по отношению ко всем искам,

связанным с Договором, например о расторжении такового, возмещении убытков, пересмотре его условий и т.д. Таким образом, очевидные претензии Порты к своему контрагенту, заявленные в суд РФ, имели бы результатом отказ правоприменительных органов от осуществления правосудия в силу Нью-Йоркской конвенции 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений и ст. 8 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже".

Следует признать, что имела место определенная особенность в закреплении обязательств сторон по проекту. Они фиксировались в тексте Договора, имевшего вид всеобъемлющего, подробно составленного документа, хотя стандартно его предметом является только совместная деятельность по созданию общества и совершению первоначальных вкладов в его уставный капитал. Объяснялось это, возможно, двумя причинами: Договор составлялся в 1991 г., когда акционерное законодательство России было, мягко говоря, не в полном порядке. Стороны Договора, возможно, использовали рекомендации юридического консультанта из государства, имеющего правовую систему англосаксонского типа, где получило широкое распространение соглашение между акционерами, охватывающее не только регламентацию их прав как участников общества, но и другие вопросы текущего взаимного инвестирования, особых льгот и т.д.

Кроме того, Договор содержал условия, не известные российскому праву, о том, что даже после его прекращения стороны не будут иметь совместные проекты такого же рода с третьими лицами в течение трех лет. Договором, таким образом, устанавливались обязательства, которые должны были возникнуть в момент утраты им юридической силы, что само по себе вряд ли имело бы исковую защиту в случае, например, расторжения Договора. При таком прекращении его действия обязательства не могут существовать в прежнем виде (п. 2 ст. 453 ГК РФ). Однако, сама по себе такая не вполне корректная формулировка усиливала акцент на исключительности прав Иностранного инвестора и созданного им Общества на обладание участком акватории Порты, по крайней мере, в период действия Договора.

Порт был ограничен в выборе должного средства правовой защиты в силу некоторых других юридических аспектов дела. Прошедший государственную регистрацию Договор был составлен таким образом, что обязательства по инвестированию в инфраструктуру Порты были сформулированы не конкретно, без определения сроков, размера платежей и порядка их внесения. Таким образом, сформулировать в сложившихся обстоятельствах, в чем именно состоит нарушение обязательств Иностранным инвестором, оказывалось далеко не просто. Несмотря на то, что Иностраный инвестор фактически не участвовал в делах Общества, созданного для модернизации порта, и не занимал ту часть акватории, которая подходила под установление новых технологий перевалки, начать проект с новым инвестором становилось юридически рискованно, т.к. Иностранный инвестор мог угрожать судебным разбирательством за границей ввиду нарушения его исключительных прав. Сам по себе риск подобного судебного разбирательства сильно воздействовал на многих других иностранных инвесторов, которые условиями сотрудничества считали устранение всяких даже малореальных опасностей того, что их капиталовложения окажутся под угрозой.

Действия, предпринятые Портом до рассмотрения дела третьей судебной инстанцией

Хорошо понимая, что требования, имеющие связь с Договором, охватываются арбитражной оговоркой и подлежат рассмотрению за границей третьей инстанцией, а также то, что какие-либо юридические мероприятия не должны приво-

дить к затяжному разбирательству и быть быстрыми и эффективными, Порт совместно с властями города инициировал разбирательство в Антимонопольном комитете, в результате чего в Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга был заявлен иск о недействительности тех положений Договора, которые противоречат антимонопольному законодательству. Суду предлагалось признать, что формулировка о передаче исключительных прав по строительству, реконструкции и развитию учреждаемому Обществу является недействительной.

Суд первой инстанции нашел, что требование Антимонопольного комитета является законным и удовлетворил его; положение Договора о том, что Общество имеет исключительные права на использование участка акватории Порты, пригодного для сооружения и эксплуатации новых терминалов, было признано недействительным.

Вскоре, однако, Иностраный инвестор подал жалобу. Отменяя решение, апелляционная инстанция издала постановление, мотивировочная часть которого, подробная и неплохо составленная, казалось бы не давала никаких шансов для продолжения разбирательства по выдвинутому основанию.

Центральным пунктом постановления апелляционной инстанции был вывод о том, что исполнение Договора не имело результатом убытки на стороне каких-либо лиц, во всяком случае, такой ущерб не был доказан Антимонопольным комитетом.

Другое обоснование отмены судебного решения состояло в том, что к Договору, заключенному в 1991 г., не следовало применять нормы антимонопольного регулирования, принятые позже. Действительно, Закон РСФСР от 22.03.91 № 948-1 "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" был принят через три дня после государственной регистрации Общества и через три недели после подписания Договора.

Следующим нарушением, допущенным судом первой инстанции, называлось отсутствие должного уведомления не явившегося на заседание иностранного ответчика о судебном заседании, как это предусмотрено Гаагской конвенцией по вопросам гражданского процесса 1954 г., в момент присоединения к которой правопреемник Россия сделала заявление об обязательности процедуры уведомления посредством Министерства иностранных дел и Министерства юстиции своих лиц, вовлеченных в судебный процесс за границей. Ввиду этого согласно п. 3 ст. 158 АПК РФ решение подлежало отмене в любом случае.

Антимонопольным комитетом на данное постановление была подана кассационная жалоба. Для участия в разбирательстве была привлечена международная юридическая фирма "ММЦП и К°".

Итоги предварительного анализа дела

Исследование обстоятельств дела и юридический анализ сложившейся ситуации приводили к выводу о том, что нейтрализацию положения Договора можно было бы осуществить разными способами: путем прекращения его на будущее время, посредством установления его недействительности в судебном порядке, а также с помощью оспаривания законности передачи в 1991 г. прав на использование участка акватории Порты в качестве исключительного имущественного правомочия.

Ввиду вышесказанного являлись в принципе допустимыми некоторые альтернативные средства правовой защиты. Удовлетворение иска о расторжении Договора, пока не исполненного в части "объединения усилий и инвестиций для внедрения новых технологий перевалки", позволило бы освободиться от обязанности безотзывного отчуждения права на основе режима исключительного ис-

пользования. Такой метод создавал риск отказа от правосудия ввиду наличия арбитражной оговорки, однако мог считаться перспективным аргументом о том, что арбитражная запись не может охватывать спор о расторжении, т.к. последний относится к признанию права на недвижимость и является исключительно подсудным органом по месту ее нахождения по той причине, что такое признание прямо связано с правомерностью расторжения Договора (п. 3 ст. 212 АПК). Предполагалось, что пункт об исключительной подсудности подлежит расширительному толкованию и не ограничивается только виндикационным или негативным требованиями и заявлениями об установлении фактов.

По причине наличия несоответствий требованиям, предъявленным к учредительным документам, существовал повод для требования признания регистрации Общества недействительной, что имело бы результатом, как устанавливала судебная практика того времени, ликвидацию Общества как субъекта права с исключительным режимом использования. Такой иск явно не подпадал под арбитражную оговорку и мог дать быстрый и нужный юридический эффект.

Другим средством правовой защиты могли служить те или иные разновидности владельческих исков о принадлежности права на акваторию Порта, его истребовании, устранении препятствий в его осуществлении и т.п. Однако все это возбуждало известные трудности квалификации юридического состава относительного того, перешло ли право с исключительным режимом использования или нет от одного владельца к другому, возможно ли его существование в столь мало определенной форме и т.д.

Анализ выявил явную предпочтительность того способа защиты прав, который сформулировал Антимонопольный комитет применительно к оспоримости некоторых положений Договора. Это помогал видеть и анализ постановления апелляции инстанции, которое имело один явный и крупный недостаток. Оно не содержало ни одной материальной нормы, которой бы обосновывались выводы данного суда. В мотивировочной части имелись общие процессуальные нормы, однако ни одного правового положения по существу не было приведено. Между тем специалистам международной юридической фирмы "ММЦП и К⁰" и собственной практике было известно, что только по причине отсутствия материальных норм в резолютивной части решений их рекомендуют отменять как незаконные. Таким образом, в одном этом усматривался очевидный повод, обжаловать постановление апелляции инстанции на основе выявления максимального количества дефектов и нарушений в нем.

Представлялось возможным также использовать то, что выводы апелляционной инстанции базировались на цивилистических категориях оснований ответственности — ущерб на стороне истца, причинно-следственная связь, неравномерное юридическое действие, вина должника, в то время как поведение ответчиков нужно было оценивать публичными нормами, особыми предписаниями санкций и положением о защите публичных интересов, отстаиваемых государственным специализированным органом.

Особенность данного дела заключалась в том, что, представляя формально юридически интересы Порта, Ответчика в процессе, как стороны оспариваемого Договора, сотрудники международной юридической фирмы "ММЦП и К⁰" не только поддерживали, но и разрабатывали аргументацию Истца — Антимонопольного комитета, добивающегося признания недействительными отдельных положений этого Договора. Весь ход заседания кассационной инстанции по сути определялся процессуальной активностью международной юридической фирмы "ММЦП и К⁰" и адвокатов, защищавших Иностранного инвестора.

Содержание правовых доводов, использованных сотрудниками международной юридической фирмы "ММЦП и К⁰" в ходе разбирательства в кассационной инстанции

Во время рассмотрения жалобы на постановление апелляции инстанции до сведения суда были доведены следующие аргументы в пользу его отмены.

1. Нормы права применяются к недействительным сделкам независимо от времени их совершения.

Ст. 9 Закона РФ "О введении в действие части первой Гражданского кодекса РФ" предусматривает, что нормы ГК РФ об основаниях и последствиях о недействительности сделок (ст.ст. 162, 165—180) применяются к сделкам, требования о признании недействительными и последствиях недействительности которых рассматриваются судом, арбитражным судом или третейским судом после 1 января 1995 г. независимо от времени совершения соответствующих сделок. Требование Антимонопольного комитета о применении последствий недействительности некоторых из статей Договора было заявлено после 1 января 1995 г. Следовательно, в рассматриваемом случае нормы ГК РФ, определяющие основания и последствия недействительности сделок, подлежат применению.

Ст. 4 ГК РФ, определяя случаи, в которых действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения закона в действие, устанавливает общее правило в соответствии с которым нормы гражданского законодательства не имеют обратной силы. Однако указанная статья ГК делает исключение только для тех случаев, когда это прямо предусмотрено законом. Ст. 9 Закона РФ "О введении в действие части первой Гражданского кодекса РФ" является как раз таким исключением из общего правила, установленного ст. 4 ГК РФ.

2. Антимонопольное законодательство существовало на момент заключения Договора.

К моменту заключения Договора отечественному законодательству было знакомо понятие монополистической деятельности и ограничения конкуренции, в подтверждение этого можно привести положения п. 1 ст. 9 Закона СССР "О государственном предприятии (объединении)" от 30.06.87 и Постановления Совета министров СССР от 16.08.90 № 935 "О мерах по демополизации народного хозяйства". Таким образом, в момент подписания Договора стороны должны были отдавать себе отчет в возможности вступления положений заключаемого Договора в противоречие с антимонопольным законодательством.

3. При принятии решения апелляция инстанция анализировала только непосредственно правомерность заключения Договора и его гражданско-правовые последствия применительно к отношениям сторон. Однако необходимо было сосредоточиться на влиянии (или возможности такого влияния) на весь рынок портовых услуг, в свете объективно возрастающего спроса на такие услуги и усиливающегося (имеющего перспективу усиления) дисбаланса спроса и предложения.

4. Условия ответственности в антимонопольном праве отличаются от таковых в гражданском праве. В последнем предпосылками являются: противоправные действия, имущественный ущерб, причинно-следственная связь между первым и вторым. В соответствии с антимонопольным законодательством неравномерными могут быть как юридические, так и фактические действия, если они приводят либо могут привести к правонарушению. Поэтому не в полной мере применяются и категории причинно-следственной связи как характеристики взаимозависимости результата. Между тем это совсем не учитывалось апелляционной инстанцией.

Результатом правонарушения по антимонопольному законодательству является не ущерб на стороне отдельного лица, а ущерб интересам третьих лиц в

смысле условий справедливой конкуренции. Однако апелляционная инстанция формулировала выводы как будто имелось в виду защитить интересы Порта, а не справедливую конкуренцию и публичные интересы в целом.

5. Важной особенностью правонарушений в смысле антимонопольного законодательства является необязательность умысла на их совершение (намерения, имеющего цель достичь тот результат, который получился). В ст. 10 ГК РФ, где описываются пределы осуществления гражданских прав, имеется в виду, что злоупотребление правом, нарушающим добросовестную конкуренцию и приводящим к злоупотреблению доминирующим положением, не обязательно связано с умыслом сторон (комментарий ГК РФ). Правонарушением в смысле антимонопольного законодательства может быть не только юридическое, но и фактическое действие, а также сложившееся положение (доминирующее состояние), приводящее к злоупотреблению, либо в воздержании от действий, нормально осуществляемых в отсутствие конкуренции (например, не продажа товаров, не оказание услуг, не принятие заказов, не принятие предложения по причине соглашения или согласованных действий с другими субъектами и пр.).

Важное значение такого отличия оказалось не исследованным апелляционной инстанцией.

6. В суд была представлена графическая схема, иллюстрирующая следующее влияние на экономическую среду региона:

- злоупотребление Портом и Иностранным инвестором своим доминирующим положением на рынке в виде ограничения доступа на рынок других хозяйствующих субъектов;
- сдерживание (ограничение) конкуренции в сфере портовых и околопортовых услуг;
- неподчинение предписанию Антимонопольного комитета;
- неправомерное воздействие на конкуренцию в сфере услуг Порта.

а) Злоупотребление доминирующим положением Порта выразилось в том, что в условиях возрастания спроса на услуги Порта, а также на услуги, оказание которых возможно только посредством портовых сооружений (например, смешанная перевозка, экспортные, импортные операции, хранение, экспедирование и пр.), ограничивается доступ на рынок потребителей этих услуг, т.к. портовые мощности развиваются несоизмерно возрастающему спросу на услуги Порта.

Злоупотребление проявляется в том, что оказываемые услуги лица — перевозчики, хранители — ограничиваются в доступе на рынок, т.к. мощности Порта оказываются перегруженными. Суд истолковал злоупотребление доминирующим положением как разновидность конкуренции, хотя это разные понятия (ст. 10 ГК).

б) С другой стороны, злоупотребление проявляется в том, что Порт лишен возможности использовать выгоды от конкуренции на рынке строительных услуг как при выборе подрядчика, так и в процессе осуществления им работ (замена подрядчика, привлечение новых подрядчиков и т.п.).

Все это не обратило на себя внимания апелляционной инстанции. Общий смысл заключения сводится к тому, что у Порта не было гражданско-правовой обязанности поручать строительство сразу нескольким подрядчикам.

в) В соответствии со ст. 18 п. 9 Закона "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" Истец уполномочен требовать в суде признания недействительности таких сделок, предписание которых не было исполнено сторонами, если по сделке передаются права, позволяющие определять условия ведения предпринимательской деятельности передавшего права лица. Представляется очевидным, что оспариваемый Договор (его часть) как раз является такой сделкой, т.к. по Договору переданные исключительные права развивать такое место акватории Порта, которое является с

точки зрения рентабельности единственно пригодным (исключительное местоположение) для возведения комплекса сооружений для обработки контейнеров типа "ро-ро" (новые технологии).

г) Нарушением антимонопольного законодательства является и непосредственно сам Договор, кабальные условия которого как раз являются нетипичными для проектов такого рода, но сама кабальность находится в сфере влияния гражданского права и является возможностью защиты Порта. В смысле же антимонопольного законодательства нарушаются публичные интересы, т.е. интересы государства и иных хозяйствующих субъектов, тем, что права развивать мощности Порта передаются: (1) безотрывно; (2) третьему лицу; (3) в качестве исключительного права; (4) на неопределенный срок; (5) под условием, что прекращение действия Договора не затронет обладания исключительным правом в течение еще трех лет; (6) по отношению к месту, которое имеет исключительное значение для внедрения новых технологий перевалки.

Исполнение таких условий приводит или, во всяком случае, может привести к монополю высокими ценам на портовые услуги, к ограничению конкуренции или злоупотреблению, что является достаточным для квалификации Договора как правонарушения. Инвестиционный климат оказался прямо затронутым оспариваемым Договором хотя бы тем, что нет юридической возможности в сложившейся ситуации привлечь средства новых инвесторов, использовать самую эффективную возможность экономического развития.

Судебное рассмотрение в суде кассационной инстанции

В результате проверки законности судебных актов суд кассационной инстанции пришел к выводу о возможности удовлетворения требований Антимонопольного комитета. При этом суд согласился с правильностью отмены решения суда первой инстанции по причине нарушения предписаний Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г. Однако, учитывая то, что Иностранный инвестор был надлежащим образом и в соответствии с этой Конвенцией уведомлен о рассмотрении дела в кассационной инстанции, суд счел возможным жалобу Антимонопольного комитета удовлетворить и принять по делу новое решение.

Суд решил, что:

В соответствии с п.п. в) п. 13 ст.1 Закона "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" антимонопольный орган вправе обращаться в арбитражный суд с заявлениями о нарушениях антимонопольного законодательства. Довод апелляционной инстанции о том, что данный Закон не должен применяться к отношениям, возникшим при заключении Договора за три недели до его принятия, и не может быть принят во внимание. Поскольку положения Договора являлись на момент рассмотрения спора действующими, стороны руководствовались ими при осуществлении своей деятельности.

Закон РФ "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" не содержит исчерпывающего перечня, при наличии которого антимонопольный орган вправе предъявлять иски в арбитражный суд.

В силу норм Конституции РСФСР (1978 г.) к законодательным актам относились кроме законов СССР и союзной республики постановления Советов Министров СССР и РСФСР. Таким законодательным актом является Постановление Совета Министров СССР от 16.08.90 № 835 "О мерах по демополизации народного хозяйства", согласно п. 2 которого впредь до принятия антимонопольного законодательства предприятиям и организациям, занимающим доминирующее положение на рынке, запрещалось заключать сделки, ограничивающие права

участников гражданско-правовых отношений. Согласно п. 2 ст. 8 Основ законодательства об инвестиционной деятельности в СССР, субъекты инвестиционной деятельности были обязаны не допускать проявления недобросовестной конкуренции и выполнять требования антимонопольного регулирования.

В российском законодательстве данные принципы нашли дальнейшее развитие в Законе РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности". Согласно ч. 1 ст. 18 предприниматель несет ответственность в соответствии с законодательством за нарушение антимонопольных правил. По п. 1 ст. 20 государством гарантировалось недопущение монопольного положения на рынках отдельных предприятий и недобросовестной конкуренции. Ст. 28 данного же Закона было предоставлено право антимонопольным органам производить проверку предприятий по мере необходимости, далее ст. 37 предписано согласовать с антимонопольным органом вопросы реорганизации и ликвидации предприятий, а в дальнейшем и их регистрации. Таким образом, факт принятия через три дня после регистрации Закона РСФСР "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках" не мог явиться основанием для отказа в удовлетворении иска при наличии ряда законов, устанавливающих антимонопольные правила, и длящихся правоотношений по договору о совместной деятельности между сторонами, действие которого не прекратилось на момент рассмотрения спора, к тому же являющегося по ст. 16 Закона РСФСР "Об иностранных инвестициях в РСФСР" одним из учредительных документов акционерного общества.

По условиям Договора два хозяйствующих субъекта, один из которых является монополистом по приему и обработке морских судов, перевалке грузов, следующих смешанным транспортом, включая морской, согласно приказу Санкт-Петербургского управления ГКАП РФ от 18.04.94 № 10-33, и занимает доминирующее положение на рынке услуг по приему и обработке внешнеэкономических грузов в контейнерах в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, что тесно связано с рынком услуг по строительству, реконструкции и эксплуатации контейнерных терминалов, заключили соглашение о совместных действиях на указанных товарных рынках, оговорив для себя исключительные (монополистические) права.

Результатом подобных действий явилось поддержание дефицита на рынке услуг по обработке контейнерных грузов, завышение тарифов на погрузо-разгрузочные работы, изменение транспортных потоков в другие регионы и государства, незаключение договоров с потенциальными инвесторами и строительными организациями.

Суд счел, что Договором нарушаются публичные интересы, т.е. интересы государства и хозяйствующих субъектов, тем, что права по развитию мощностей монополиста передаются третьему лицу на неопределенный срок, безотзывно, в качестве исключительного права, под условием, что прекращение действия договора не затронет обладание исключительным правом в течение еще трех лет после его прекращения и по отношению к месту, которое имеет исключительное значение для развития и внедрения новых технологий.

Согласно п. 9 ст. 2 действовавшего на момент совершения сделки Закона РСФСР "О собственности в РСФСР" осуществление права собственности не должно было нарушать прав и охраняемых интересов других лиц, в том числе было указано на невозможность злоупотребления своим монопольным и иным доминирующим положением, недобросовестность конкуренции. Более того, нормы данного Закона приводят к выводу о нарушении его норм при заключении Договора. На момент учреждения Общества и совершения сделки Порт, как союзное предприятие, обладал имуществом на праве полного хозяйственного ведения, а собственником данного имущества, он не являлся. Распоряжаясь

правом использования данных основных средств, в силу п. 6 Постановления ВС РСФСР "О введении в действие Закона РСФСР "О собственности в РСФСР", Порт был обязан получить согласие Министерства морского флота СССР и Главного управления имуществом Исполкома Ленсовета, представлявших государство как собственника данного имущества, на ограничение его права на использование земли и основных средств. Данное согласие получено не было, что явилось нарушением права собственника и законодательства РСФСР. Таким образом, на момент совершения сделки в оспариваемой части Договор являлся недействительной сделкой по нормам ст.ст. 2, 20, 21, 30, 32 Закона РСФСР "О собственности в РСФСР" и ст.ст. 48, 49 ГК РСФСР 1964 г., данное требование Закона нашло свое подтверждение в норме судебного толкования, изложенной в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.09.92 № 13 "О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о собственности".

Анализ представленных документов, выводов суда первой и апелляционной инстанции, с учетом изложенных выше норм законодательства, позволили признать требования Истца обоснованными в полном объеме в части признания недействительным Договора.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 174, п. 2 ст. 175 АПК РФ, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа решил: постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области отменить, признать недействительным положение Договора о создании Общества между Ленинградским морским торговым портом (ОАО "Морской порт Санкт-Петербург") и фирмой "Inter Maritime Management S.A." полностью.

Выводы

Настоящее дело является весьма любопытным материалом судебной практики на тему применения публичного регулирования, его влияния на гражданско-правовые отношения. Для юристов, стремящихся наилучшим образом организовать защиту прав своих клиентов, весьма полезно использовать выгоды, которые иногда предоставляет реализация государственных интересов в области антимонопольной, валютной, таможенной и пр. политики.

Ю.Э. Монастырский
партнер международной юридической фирмы "ММЦП и К"

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.